ПРИМЕТЫ И ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ТРАДИЦИЯХ ДВУХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

БОРИС НОРМАН – НАТАЛЬЯ РАЙНОВА

Филологический факультет Белорусского государственного университета,
Минск, Беларусь

Философский факультет Карлова университета, Прага, Чехия

NORMAN, Boris – RAJNOCHOVÁ, Natálie: Folk superstitions and their verbalization as a part of two Slavonic national traditions: culturological and pragmalinguistic aspects. *Journal of Linguistic*, 2017, Vol. 68, No 1, pp. 5 – 16.

Abstract: The article deals with folk superstitions (predictions, beliefs) common in Russian society, and the corresponding stereotypical expressions, such as: *Кончик носа чешется – в рюмку смотреть*; *Не ешь с ножа – сердитым будешь*; *Через порог не здороваются*; (when starting a journey) *Присядем на дорожку*, etc. The authors show that these expressions are used with a special phatic function: their purpose is to neutralize, to smooth the effects of an uncomfortable situation (something was broken, someone took somebody for someone else, someone hiccupped, any other unpleasant happening, etc.). Therefore, these folk expressions serve as sociolinguistic factors, optimizing the course of a dialogue. The author also gives examples of the “new” superstitions that imitate already known models and that were created with a special game purpose (like *Ходить на работу – к деньгам*). Examples from Russian fiction and Internet sources are provided. The facts of Russian discourse are compared with the examples from the Czech language and the national specificity of the superstitions is discussed in the article.

Key words: folk superstition, stereotyped remark, phatic function, Russian, Czech, sociolinguistics, cultural studies

Человек в своей повседневной жизни пытается прогнозировать развитие событий. На основе таких прогнозов он строит планы будущих действий. В этом ему помогают как собственные наблюдения, так и традиции, обычаи и ритуалы, обобщающие предшествующий коллективный опыт.

Разумеется, попытки предвидения, предсказания, прогнозирования могут быть поставлены и на научную основу, с привлечением большого объема статистически обработанного материала. Примерами могут служить врачебные диагнозы, прогнозы погоды, маркетинговое планирование, политические предсказания и т.п.

Но научная футурология и ее дочерняя дисциплина – прогностика вырастают на психологическом фоне уже сложившейся традиции бытовых, обиходных предсказаний. Это народные поверья, предрассудки и суеверия, гадание по

руке, на картах, на кофейной гуще, унаследованные от предков обычаи и ритуалы в повседневной и праздничной жизни. Таковы для славянского ареала впускание в новое жилище кошки, подбор четного или нечетного количества цветков для букета, осыпание молодоженов монетами, зерном или лепестками цветов, пускание венков по воде, бросание монетки в фонтан с целью вернуться в понравившееся место и т.п.

В этом же ряду находится и совокупность примет, регламентирующих значительную часть ежедневного поведения человека. В историческом плане возникновение многих примет можно объяснить связью с архаичной системой верований. Так, общепринято представление о том, что не следует здороваться или прощаться через порог. Порог у древних славян считался местом обитания нечистой силы – домового. Запрет на свист или неодобрительное отношение к свисту (рус. *Не свисти – денег не будет*) восходит к представлению о языческом боге Посвисте и об опасных злых духах (Зеленин, 2014). Но человек не осознает корней этой народной мифологии, а следует ритуалу просто потому, что «так положено». Перед отправлением в дорогу, в путешествие следует на минутку присесть. И сигналом служит пожелание: *Присядем на дорожку*. Другие примеры: *Нельзя резать хлеб движением «от себя»* (уже мало кем соблюдаемое правило); *Кто из венчающихся первым ступит на расстеленный в церкви коврик, тот и будет главным в семье*; *Чтобы какое-то желание исполнилось, надо постучать по дереву*; *Если кому-то дарят кошелек, то в него надо положить монетку – она будет «притягивать» деньги*; *Взял у кого-то посуду (тару) – не возвращай пустой*; *Встретилась женщина с пустым ведром – к несчастью, с полным – к удаче*; *Женщина на корабле – к беде*; *Кукушка кукует, сколько лет осталось жить*; *Нельзя дарить нож или вообще острые предметы; в ответ следует заплатить хотя бы символическую копейку* (тогда это будет не подарок, а «покупка»); *Как Новый год встретишь, так его и проведешь...*

Примета – это закреплённое народной традицией соотнесение двух ситуаций (событий), которые произвольно ставятся в каузальную (причинно-следственную) связь. В принципе, это проявление вербальной мифологии и, вместе с тем, часть бытовой культуры и наивно-языковой картины мира. Нередко приметы связывают с суевериями, но это не совсем справедливо. Согласно определению в солидном источнике, «ПРИМЕТА – устойчивая связь двух явлений объективной действительности, одно из которых понимается как знак, а второе – как его толкование, обычно в виде прогноза на будущее; языковая (в виде афоризма, паремии) репрезентация этой связи. Как правило, к П. относятся те толкования, которые базируются на коллективном опыте и фиксируются в коллективной памяти» (Славянские Древности, 2009, с. 279).

В фундаментальном собрании *Пословицы русского народа* Владимира И. Даля (Пословицы, 1957) представлены сотни примет (в том числе в двух

специальных разделах: «Человек – приметы» и «Суеверия – приметы»). Кроме предсказаний природного характера (типа *Журавли летают высоко – к ненастью*), значительная часть зафиксированных здесь выражений связана с физиологией и психологией человека, с крестьянским бытом, с темами смерти, пожара, других бедствий. Фиксируются приметы и в трудах других этнографов и фольклористов, изучавших традиционную русскую культуру – Александра Н. Афанасьева, Дмитрия К. Зеленина, Сергея В. Максимова, Петра Г. Богатырева. Чешские исследователи уделяли и уделяют внимание приметам в основном на фоне поверий, обычаев и ритуалов (Nahodil – Robek, 1959; Bestajovský, 2008; Šottnerová, 2009; Grohman, 2010 и др.).

В самом общем виде приметы предсказывают в качестве следствия либо благоприятную ситуацию (назовем ее «счастье»), это: благополучие, достаток и богатство, здоровье, удача, рождение детей, возвращение пропавшего и др., либо неблагоприятную (назовем ее «несчастье»), это: смерть, болезнь, неудача, пропажа, безденежье и др.

В качестве же «причинных» знаков, т.е. символических вестников (проевентов) будущей ситуации «счастья» или «несчастья», выступает целый ряд предметов и явлений. Это: части тела (глаз, ухо, нос, губы, волосы, рука, нога и др.), вода и продукты питания (хлеб, соль и др.), домашние животные (кошка, собака, козел и др.), птицы (голубь, сорока, петух, курица, кукушка, ворон, сова и др.), насекомые и им подобные существа (муха, муравей, паук, таракан и др.), предметы интерьера (порог, дверь, окно, печь, лестница, зеркало и др.), артефакты (носовой платок, ведро, нитка и др.), небесные тела (звезда, комета и др.), дни недели (понедельник, пятница, суббота и др.), физиологические явления (чихание, икота, отрыжка, щекотка, свербез, боль, звон в ушах и др.), особенности поведения (свист, вставание с левой ноги, спотыкание, стрижка волос и обрезание ногтей и др.). Иногда эти названия трактуются как ключевые слова и служат основой для классификации примет.

Многие приметы связаны с противопоставлением «правого» и «левого» (глаза, уха, плеча, руки и т.д. – вообще правой и левой сторон). Согласно поверьям, с правой, «чистой», стороны от человека находится его ангел-хранитель, а с левой, «нечистой», – бес-искуситель. Другие присутствующие здесь семантические оппозиции – «свое» и «чужое», «мужское» и «женское». Большая группа примет связана с деньгами, прибылью, богатством, ср. рус.: *При закате солнца деньги не считать; Деньга деньгу наживает; В долг не дают по понедельникам; Тараканы в доме – к богатству; Шапку на стол не клади – денег не будет; Не сиди на столе – бедным будешь; На столе или где-то на видном месте следует оставлять монетку – она «притягивает» деньги* и т.п. «Причинным» основанием для приметы может быть также встреча с людьми определенных профессий: с трубочистом, гробовщиком, священником и т.д.

Некоторые приметы имеют языковую, а часто ложноэтимологическую, природу: *Лебеди летят – к снегу* (общее в «причине» и «следствии» – признак «белый»); *Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться* (созвучие); *В мае жениться – весь век маяться* (созвучие); *Рыжий, красный – человек опасный* (созвучие, рифма). *Если упала вилка или ложка, значит, женщина в гости придет*; *Если упал нож – в гости спешит мужчина* (корреляция грамматического рода и биологического пола).

Аналогичные случаи можно встретить среди чешских паремий: *Drůbež bychom na Nový rok vůbec neměli servírovat, aby nám neuletělo štěstí* – Не следует есть на Новый год птицу, иначе счастье в новом году улетит (общее в причине и следствии – признак «лететь»); *Pokud podlézáte šňůru, může vám to přinést smůlu* (созвучие) – Если вы прошли под повешенной веревкой (например, с бельем), это может принести несчастье.

Понятно, что первопричинами появления таких примет явились слабость истинного знания и беспомощность человека перед силами природы. Обращение к магии, попытки осмыслить и связать между собой разные явления, предсказать ход событий, отогнать нечистую силу и привлечь на свою сторону удачу – вот что способствовало развитию данного фрагмента наивно-языковой картины мира.

Поверья, связанные с народным календарем («на погоду», «на сев», «на урожай» и т.п.), играли в свое время важную роль в жизни крестьянства. Александр С. Пушкин писал об этом так:

*Старайся наблюдать различные приметы.
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду...*
(А.С. Пушкин. Приметы)

Природным приметам посвящен целый ряд исследований – этнографов, фольклористов, лингвистов (Павлова 1984; Стрижев 1997; Садова 2003 и др.). Но предметом данной статьи являются предсказания иного рода – приметы бытовые, которые, в силу выполняемых ими функций, можно назвать также коммуникативными. Дело в том, что реплики, воплощающие в себе такие приметы, играют в современной коммуникации заметную психо- и социолингвистическую роль. Многие из них реализуются в обстоятельствах, в той или иной степени неожиданных или нежелательных.

Источниками фактического материала для нас будут опубликованные собрания малых жанров фольклора, художественная литература, многочислен-

ные интернет-сайты, посвященные приметам и поверьям. Рассмотрим следующие житейские ситуации. Гость оказался посаженным на угол стола – следует реплика: *Семь лет не жениться* (или, если это женщина, то: *Семь лет замуж не выйти*). Человек икнул – *Кто-то тебя вспоминает*; Чихнул человек – значит, сказанное перед тем оказалось правдой; Еда пересолена – значит, повариха влюбилась; Просыпана соль – к ссоре; Играть ножом – тоже к ссоре; Нельзя есть с ножа – сердитым будешь; Разбилось зеркало – к несчастью, к смерти; Кто-то сказал о живом человеке как о покойнике – долго жить будет; Надета наизнанку одежда – битому быть; Разбилась посуда – к счастью; Хранить дома разбитую (треснувшую) посуду – к несчастью; Оставить на столе пустую бутылку – к безденежью; Не узнан знакомый (например, при телефонном звонке) – богатым будешь; У девушки подол платья мокрый – муж будет пьяницей; Женица надела юбку задом наперед – к приятной неожиданности; Упало или потерялось обручальное кольцо – брак распадется; Муха залезла в еду или в питье – жди подарка; Человек, уходя, вынужден вернуться за забытой вещью – «Посмотри в зеркало, иначе удачи не будет»; Кончик носа чешется – в рюмку смотреть (т.е. ожидается выпивка).

Во всех этих случаях говорящий реагирует на определенный дискомфорт: физиологический (чихание, икота, свербез), психологический (плохая память, треснувшая посуда, объявление живого человека покойником), материальный (ущерб от разбитого зеркала, потеря кольца), этический (гость посажен на угол стола, не узнан знакомый), эстетический (неопрятность в одежде, беспорядок в доме, на столе) и др. Соответствующая реплика призвана сгладить чувство неловкости, неудобства, замешательства и т.п., по возможности незаметно отрегулировать отношения с собеседником. Можно считать это проявлением фатической (контактоустанавливающей) и регулятивной функций (см.: Норман, 1988; Норман, 2016). Вера К. Харченко даже называет функцию таких примет воспитывающей (1992, с. 80).

И не так важно, какое следствие предусматривает конкретная примета – «счастливое» или «несчастливое». Важно, что она, заполняя паузу, позволяет разрядить ситуацию, обратить случившееся в шутку, в пустяк. И соответствующая стереотипная, клишированная реплика оказывается необходимым звеном в цепи диалогического общения: она служит стимулом для дальнейшего развития коммуникативной ситуации.

Причем в традиционной культуре система этих примет была весьма дифференцирована. Вот как об этом (не без скрытой иронии) повествует Иван А. Гончаров в романе *Обломов*:

Вдруг Илья Иванович остановился посреди комнаты с встревоженным видом, держась за кончик носа.

– Что это за беда? Смотрите-ка! – сказал он. – Быть покойнику: у меня кончик носа все чешется...

– Ах ты, господи! – всплеснув руками, сказала жена. – Какой же это покойник, коли кончик чешется? Покойник – когда переносье чешется. Ну, Илья Иванович, какой ты, Бог с тобой, беспамятный! Вот этак скажешь в людях когда-нибудь или при гостях и – стыдно будет.

– А что ж это значит, кончик-то чешется? – спросил сконфуженный Илья Иванович.

– В рюмку смотреть. А то, как это можно: покойник!

– Все путаю! – сказал Илья Иванович. – Где тут упомянуть: то сбоку нос чешется, то с конца, то брови...

– Сбоку, – подхватила Пелагея Ивановна, – означает вести; брови чешутся – слезы; лоб – кланяться; с правой стороны чешется – мужчине, с левой – женщине; уши зачесутся – значит, к дождю; губы – целоваться; усы – гостинцы есть; локоть – на новом месте спать; подошвы – дорога...

В следующей цитате представлена иная неловкая ситуация: герой не узнает хорошую знакомую.

Передонов не сразу признал Вершину. В ее фигуре пригрезилось ему что-то зловещее: черная колдунья стояла, распускала чарующий дым, ворожила. Он плюнул, зачурался. Вершина засмеялась и спросила:

– Что это вы, Ардальон Борисыч?

Передонов тупо посмотрел на нее и, наконец, сказал:

– А, это – вы? А я вас и не узнал.

– Это – хорошая примета. Значит, я скоро буду богатой, – сказала Вершина.

Передову это не понравилось: разбогатеть-то ему самому хотелось бы (Федор К. Сологуб: *Мелкий бес*).

Вершина своей репликой (*Значит, я скоро буду богатой*) как бы извиняет оплошность Передонова, настраивая того на продолжение беседы. Так оно далее по тексту и происходит.

Третий пример – и очередная дискомфортная ситуация: у человека из рук падает и разбивается о землю стакан. Но следующая за этим реплика-примета должна успокоить и приободрить присутствующих:

Больной взял стакан и выпил то, что было в нем, но рука его дрогнула, и опустившийся стакан разбился у его ног.

– К счастью, к счастью! – зашептал Коровьев Маргарите. – Смотрите, он уже приходит в себя (Михаил А. Булгаков: *Мастер и Маргарита*).

И в наши дни бытовые приметы и воплощающие их в себе клишированные реплики выполняют ту же сглаживающую, регулятивную роль. Приведем пример из современной литературы:

Я резко повернулась направо и треснулась лбом о лоб молодого человека, который джентльменски поднимал мою помаду.

– Извините, – проблеяла я, а он засмеялся, потирая ушибленное место. – Ерунда. В таких случаях говорят: родными будем (Татьяна Полякова: Ее маленькая тайна).

Неловкость движения (двое стукнулись лбами) компенсируется на словах приятной перспективой «родства». И хотя это предсказание чисто виртуальное, оно дополняет извинение и оптимизирует процесс дальнейшего общения.

Мы видим, что научное знание не отменяет мифологического субстрата в голове человека. Поведение современного члена общества в значительной мере обусловлено архаичными, традиционными представлениями. Появляются, формируются даже новые группы примет: для спортсменов, для водителей, для программистов и т.п.

Для того чтобы стать знаком для другого человека и участвовать в качестве звена в коммуникативном процессе, примета должна быть вербализована (в крайнем случае представлена жестом, типа *постучать по дереву*). Соответствующая словесная реплика – воплощение приметы – может иметь устойчивый характер (это клише типа *Присядем на дорожку, Кто-то тебя вспоминает, К деньгам, К ссоре, К слезам, К свадьбе* и т.п.) или же варьироваться – как, например, рекомендация поз, которые следует принимать во сне, или интерпретация нитки, свисающей с одежды.

Что же касается формальной структуры реплик, то она достаточно разнообразна. Классическая примета состоит из двух частей – называющей «причину» и называющей «следствие». Первая часть может быть представлена самостоятельным двусоставным предложением или односоставным (с главным членом – инфинитивом или безличной глагольной формой), а может представлять собой придаточное условное или определительное. Вторая часть грамматически также весьма разнообразна, отметим здесь только повышенную частоту глагольных словоформ будущего времени и уже упомянутых предложно-падежных форм в дестинативной функции (*к деньгам, к свадьбе, к слезам* и т.п.). Примета может реализовываться и в усеченном виде (ср.: Reuther, 1991, с. 278), если она общеизвестна и вторая ее часть автоматически подразумевается. В частности, в случае с «запрещающей» или предостерегающей первой частью негативное «следствие» в виде беды, несчастья может не называться: *Недоеденный хлеб не выбрасывай; Не раскрывайте зонт в доме; Нельзя вешать зеркало в угол* и т.п.).

Многие приметы имеют интернациональный характер. Например, представление о предстоящем несчастье, связанное с разбитым зеркалом или проходом под приставленной к стене лестницей, свойственно многим народам. Вместе с тем, каждое общество формирует свой корпус природных и бытовых примет, определяемый особенностями материальной и духовной культуры на-

рода. В частности, для чешского общества характерно обилие примет, связанных с Сочельником и Рождеством. Примеры:

Od štědrovečerní večeře se nesmí vstávat, aby se za rok sešli všichni živí a zdraví – Нельзя встать и отойти от стола в Сочельник, пока все не поели, иначе в течение следующего года кто-то из сидящих умрет (поэтому на стол ставят сразу всю еду и питье).

Kdo nikomu nic na Štědrý den nedaruje, přijde na mizinu a dočká se bídy – Если кто-то никому ничего не подарит на Рождество, сам обеднеет;

Když v noci na Boží hod vystřelíte z pušky směrem k Měsíci – přináší to štěstí – Если в ночь на Рождество выстрелить из ружья в сторону месяца – это принесет счастье;

Když se nohy štědrovečerního stolu obtočí provazem, domu se celý rok vyhnou zloději – Если ножки стола, накрытого для рождественского ужина, обвязать веревкой, в дом в этом году не придут воры.

В чешском обществе в ходу и другие приметы, незнакомые носителю русского языка, например:

Pokud vám vypadne řasa a vy ji sfouknete a něco si přejete, vyplní se to – Если у вас выпадет ресница, а вы ее сдуете и загадаете желание, оно исполнится;

Sebereš na ulici tužku – přinese to štěstí – Найти на улице карандаш – к счастью;

Když se vám pták vykáli na hlavu, přinese vám to štěstí – Если птичка накакает вам на голову, вам повезет;

Rybí šupina v peněženke znamená peníze – Рыбья чешуйка в кошельке – к деньгам;

Nedávejte si kabelku na zem, utečou vám z ní peníze! – Не ставьте сумку на землю, а то от вас «сбегут» деньги;

Zpívání před snídaní – přinese to neštěstí – Пение перед завтраком – к неприятностям;

Neštěstí znamená, když upustíš deštník – Уронить зонт – к несчастью;

Šlápnutí na víko kanálu znamená smůlu. Hlavně pokud jde o hranatý kanál – Наступить на канализационный люк (особенно четырехугольный) означает несчастье.

В то же время чехам незнакомы (и даже выглядят странными) многие основания примет, принятые в русскоязычном обществе: монеты, оставляемые на видном месте для «привлечения» новых денег, «счастливый» автобусный или трамвайный билет, четное или нечетное количество цветков в букете и т.п. Чехи спокойно здороваются через порог и не видят ничего предосудительного в том, чтобы поднести в подарок кошелек или бумажник без всякого содержимого.

Состав примет в целом следует признать довольно стабильным, однако со временем и он подвергается изменениям. Тилманн Ройтер, изучая путем опроса функционирование традиционных русских примет в современной го-

родской среде, обнаруживает значительные расхождения в «популярности» тех или иных примет (Vorzeichen, Omen, Aberglaube, Volksglaube) и возможностях их интерпретации (Reuther, 1991, с. 250-277). Действительно, упоминаемые В. Далем приметы типа *Сам себя оплюешь – обнова будет* или *Подколенки чешутся – дорогу слышать* практически неизвестны сегодняшним носителям русского языка.

Отдельный вопрос – упоминание примет и соответствующих им реплик в художественной литературе. В творчестве Николая В. Гоголя, Николая С. Лескова, Антона П. Чехова, Аркадия Аверченко и других писателей XIX – XX веков приметы неоднократно используются как изобразительное средство, как культурный знак и речевая черта персонажей. А знаменитый роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» весь пронизан идеей предвидения, предсказания будущих событий. Там не только Воланд и его свита знают все наперед, но все персонажи живут в мире предчувствий. Запах розового масла предвещает нехороший день для прокуратора, влетевшая в колоннаду ласточка оказывает влияние на судьбу Иешуа, Иван Бездомный, бросаясь в погоню за сумасшедшим «иностранным профессором», знает, где его искать, а дуновение ветра предостерегает администратора Варенуху от опасного замысла доноса... В причудливом переплетении фантасмагории и реальности примета, предвестие, предзнаменование оказывается существенной скрепой.

Надо вообще отдавать себе отчет в том, что магия чисел, имен, художественных символов столь велика, что способна нейтрализовать и обесценить самые, казалось бы, рациональные доводы.

Уральский исследователь Юрий В. Казарин в книге *Последнее стихотворение 100 русских поэтов* систематизирует биографические и – шире – антропологические данные русских поэтов и обнаруживает любопытные закономерности. Так, у 15 из 100 поэтов наблюдается совпадение имени и отчества (Василий Васильевич Капнист, Константин Константинович Случевский, Афанасий Афанасьевич Фет, Александр Александрович Блок, Владимир Владимирович Маяковский, Борис Борисович Рыжий и т.д.). В этом видится тенденция к нарушению народных поверий, не рекомендующих называть новорожденного сына именем отца, а дочь – именем матери. Еще чаще встречается совпадение инициалов (имени и отчества): А.А. Дельвиг, П.П. Ершов, К.К. Павлова, А.А. Ахматова, А.А. Тарковский, В.В. Хлебников и др. Кроме того, «удивительной оказывается постоянная, навязчивая редупликация цифр, номинирующих даты рождения и смерти поэтов... И это явление трудно назвать случайным...» (Последнее стихотворение, 2011, с. 30). В качестве примеров в книге приводятся годы рождения М. Ломоносова (1711), Н. Карамзина (1766), А. Пушкина (1799), Е. Баратынского (1800), А. Григорьева (1822), И. Анненского (1855), М. Волошина (1877) и др., и годы смерти: А. Кантемира (1744), А. Сумарокова (1777), И. Крылова (1844), К. Батюшкова (1855), В. Соловьева

(1900), К. Фофанова (1911), А. Ахматовой (1966) и др. Конечно, право исследователя – видеть в таких совпадениях перст судьбы, но для этого надо, очевидно, изначально стремиться найти такие совпадения!

В целом же можно сказать, что граница между приметами достоверными и суеверными оказывается не так уж строга (ср.: Шахнович, 1984). Сознание, привыкшее работать с аппроксимированными, нечеткими по своим границам сущностями, с легкостью переходит от веры к знанию и наоборот.

Еще один чрезвычайно интересный социолингвистический аспект интересующего нас фольклорного жанра заключается в появлении в городской среде новых окказиональных примет, которые, опираясь на традиционные образцы, преследуют особые – «стёбные», игровые цели. Примерами могут служить: *Ходить на работу – к деньгам; Помыть машину – к дождю и грязи; Если третий день не хочется работать, значит, сегодня среда; Птица залетела в самолет – к аварии; Если дети идут в школу нарядные и с цветами, то скоро придется копать картошку; Смахивать рукой крошки со стола на пол – к ссоре с женой; Если шофер ест за рулем, его обязательно остановит дорожная полиция* и т.п. (из Интернета). Конечно, подобные новообразования несут на себе печать окказионально-авторского творчества. Сама исконная идея предвидения, предсказания, причинно-следственной связи в них выхолащивается и извращается. Но следует согласиться с Татьяной В. Симашко, специально исследовавшей данные выражения: «Несмотря на их маргинальное место в информационном городском пространстве, они интересны, так как помогают пополнить представление об актуальной языковой картине мира, об объеме и характере сохранившихся в ней традиционных элементов» (2011, с. 164). Сам факт появления этих «антипримет» (по аналогии с уже устоявшимся термином «антипословицы») свидетельствует о том, что семиотическая модель приметы остается живой и активной в сознании носителя языка.

Таким образом, приметы – не только архаичный фольклорный жанр, связанный с традиционными верованиями и обычаями, но и многофункциональный дискурсивный элемент, играющий определенную роль в современной коммуникации. Мы видели, что сопоставление русского и чешского фонда примет обнаруживает их культурологическую специфику. Но еще важнее является прагматическая и социолингвистическая функция данного вида паремий: стремление говорящего отрегулировать с их помощью отношения со слушающим в каких-то сложных видах коммуникативных ситуаций. Эта роль примет оказывается для двух языков общей, универсальной.

Литература

ЗЕЛЕНИН, Александр Васильевич: Как свистят русские. In: Русский язык в школе 2014, № 1, с. 77-84.

НОРМАН, Борис Юстинович: К социо- и психолингвистической интерпретации некоторых стереотипных реплик в стандартных ситуациях. В: Русский язык. Межведомственный сборник. Вып. 5. Минск: Издательство «Университетское» 1988, с. 86-92.

НОРМАН, Борис Юстинович: Стереотипные реплики на службе у стандартных речевых актов. Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Гл. ред. Т.А. Гридина. Вып. 14. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет 2016, с. 222-236.

ПАВЛОВА, Елена Григорьевна: Опыт классификации народных примет. Паремнологические исследования. Ред. Г.Л. Пермяков. Москва: Главная редакция восточной литературы 1984, с. 294-299.

Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII-XX вв. Антология-монография. Автор-составитель Ю. Казарин. Екатеринбург: Издательство Уральского университета 2011.

Пословицы русского народа. Сборник Владимира Даля. Москва: Гослитиздат 1957.

САДОВА, Татьяна Семеновна: Народная примета как текст: лингвистический аспект. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета 2003. 212 с.

СИМАШКО, Татьяна Васильевна: К вопросу об изучении современных примет на фоне традиционных. Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология 2011, № 4, с. 159-165.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н.И. Толстого. Т. 4. П – С. Москва: Международные отношения 2009. 656 с.

СТРИЖЕВ, Александр Николаевич: Народные приметы. Москва: Современник 1997. 254 с.

ХАРЧЕНКО, Вера Константиновна: Язык народной приметы. In: Русский язык в школе, 1992, № 1, с. 78-82.

ШАХНОВИЧ, Михаил Иосифович: Приметы верные и суеверные. Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия. Ленинград: Лениздат 1984.

BESTAJOVSKÝ, Martin: Velká kniha lidových obyčejů a nápadů pro šikovné ruce na celý rok. Brno: COMPUTER PRESS 2008. 253 s.

GROHMAN, Josef Virgil: Pověry a obyčeje v Čechách a na Moravě. Praha: Plot 2010. 256 s.

NAHODIL, Otakar – ROBEK, Antonín: České lidové pověry. Praha: Orbis 1959. 224 s.

REUTHER, Tilmann: Vom Sitzen am Eck eines Tisches: ein linguistischer Beitrag zur Untersuchung der russischen "primety/Omina" in der modernen Alltagskultur. Slavistische Linguistik 1990. Referate des XVI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Bochum/ Löllinghausen 19.-21.9.1990. Hrsg. von K. Hartenstein und H. Jachnow. München, 1991 (Slavistische Beiträge, Bd. 274). S. 232-278.

ŠOTTNEROVÁ, Dagmar: Lidové tradice - Původ lidových tradic, zvyky, pověry, pranostiky, říkadla - 240 různých her. Olomouc: Rubico 2009. 253 s.

Resumé

LIDOVÉ POVĚRY A JEJICH VERBALIZACE V TRADICI DVOU SLOVANSKÝCH NÁRODŮ: KULTUROLOGICKÉ A PRAGMALINGVISTICKÉ ASPEKTY

Článek pojednává o lidových pověrách, které tvoří důležitou součást každodenního života a kultury dvou slovanských národů, českého a ruského. Jedná se například o chování, rituály, psychologické představy atd. Větší část takových lidových pověr, jako např. *rozbito se zrcadlo – přijde neštěstí; člověk kýchnul – znamená to, že výrok je pravdivý; vysypala se sůl – bude neštěstí; pokud host sedí na rohu stolu – sedm let se neožení* aj., mají standardní verbální označení. Tyto stereotypní řečové poznámky, jež

se skládají z jedné nebo dvou vět, mají za cíl zmírnit diskomfort vzniklé běžné situace (finanční škodu, etickou trapnost momentu, estetické rozpaky atd.), a proto hrají důležitou sociolingvistickou a psychologickou roli.

Lidové pověry a doprovázející je poznámky mohou být rozděleny do dvou velkých skupin: „předpovídající štěstí, úspěch, blahobyť, zisk“ a „předpovídající neštěstí, nemoc, smrt, ztrátu, bídu“. První skupina je o něco početnější než druhá, což se vysvětluje obecnými zásadami axiologie.

Mnoho pověr má obecnou slovanskou povahu, což svědčí o jejich stáří a spojení s mytologickými pověrami. Český a ruský materiál zároveň poukazuje na to, že každý slovanský národ vypracoval vlastní systém lidových pověr. Například pro český národ jsou velmi důležité lidové pověry spojené s vánočními svátky (třeba pověra o tom, že se nesmí vstávat od vánočního stolu, jinak to přinese neštěstí, a proto veškeré jídlo má být předem připraveno a postaveno na stůl). V současné ruské tradici nic podobného neexistuje.

Stat' poukazuje také na to, že podle archaických modelů existujících v jazyce vznikají nové prastiky a pověry, které se používají v profesionálním nebo korporativním prostředí (studentském, informačních technologií aj.) a často bývají doprovázeny ironickým nebo komickým efektem. Jako příklad mohou sloužit následující výrazy: *Если третий день не хочется работать, значит, сегодня среда* (Pokud se člověku třetí den nechce pracovat, znamená to, že je dnes středa) nebo *Ходить на работу – к деньгам* (Když pracuješ – mohlo by ti to přinést peníze) atd.